

Цецилия МАНСУРОВА, народная артистка СССР

ДИАЛОГИ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

А ОКНАМИ моей квартиры — солнечный, неожиданно для наших московских широт жаркий апрельский день. И такие же жаркие гортанные голоса пронизывают тихую улицу, которая носит имя великого артиста, моего незабываемого друга Бориса Васильевича Щукина: это голоса наших студентов, будущих кабардинских актеров. Они учатся в Театральном училище имени Б. В. Щукина при Театре имени Евг. Вахтангова. Только что я занималась с ними, получив заряд энергии, кажется, на столет вперед. Не все, что молодо, способно омолаживать: надо, чтобы молодость была озаренной, одержимой самозабвенным желанием деятельности, страстью к познанию. У моих учеников из далекой Кабарды это есть.

Они иногда в разгар нашей работы вдруг громко, словно я на другом берегу, кричат мне:

— Не бросайте нас! Будем еще работать!

И я кричу в тон им:

— Не бро-оу-у!

И мы работаем с удовольствием, не замечая времени. И я с радостным удивлением вслушиваюсь в стремительные ритмы их речи: говорят, словно грецкие орехи раскусывают. Театр у них должен быть особенным, зажигающим волевой энергией. Им будут подвластны и острая комедия, и самая насыщенная трагедийность. Свою педагогическую задачу я вижу в том, чтобы, передавая им все лучшие достижения русского театра, бережно сохранять и развивать их национальную неповторимость...

Они уходят от меня по улице Щукина в училище, что на улице Вахтангова.

Я остаюсь наедине с воспоминаниями.

Не люблю тишины и вспоминаю чаще всего шумные эпизоды.

Сегодня мне представился Евгений Багратионович Вахтангов на репетиции «Принцессы Турандот». Он тоже говорил с нами так, словно мы, его ученики, находились не на расстоянии нескольких шагов в маленьком помещении Мансуровской студии, а на другом берегу реки: не столь громко, но насы-

лая звук как бы в далекое пространство.

В нашем учителе тоже текла кавказская кровь. И он, выдающийся деятель русского советского театра, был истинным интернационалистом. Мы воспитывались в уважении к национальной культуре всех народов, с первых же, студийных шагов в искусстве научились чутко всматриваться в эту культуру, если нужно — брать от нее все полезное.

С годами это помогло нам стать достойными воспитателями будущих актеров молдавского, лакского, удмуртского, кабардино-балкарского театров. Это в училище.

А в труппе вахтанговского театра, сколько я помню себя и моих товарищей, всегда царил жгучий интерес к достижениям искусства братских советских республик. Словно это было вчера, отчетливо вижу Рубена Николаевича Симонова, опаленного замыслами, радостного от успехов армянской студии, затем студии узбекской, которыми он руководил, не оставляя работы в нашем театре. Он неизменно приглашал меня на спектакли своих студий, и сейчас, когда прошло много лет, когда я могу сравнить и соразмерить разные этапы в творческом формировании Р. Н. Симонова-режиссера, понимаю: как самостоятельный оригинальный художник он вырос и окреп именно в столь широком режиссерском и педагогическом поиске в разных национальных культурах.

Мне в этом смысле повезло меньше. Я играла француженку Роксану в «Сирано де Бержераке» Ростана, итальянку Филумену Мартурано в одноименной пьесе Эдуардо де Филиппо, но в театре мне не случилось исполнить ни одной роли в пьесе советского национального драматурга. Зато в кино мне посчастливилось сыграть одну из самых любимых моих ролей — армянку, доктора Ашхен, в фильме «Дорогой мой человек». Фронтальной врач, добрая, умная, горячая, доктор Ашхен сразу же привлекла меня, с первого знакомства со сценарием. Я тщательно продумала своеобразную «музыкальную партитуру» речи Ашхен, связав ее и с особенностями ее характера.

Мы редко нравимся себе на экране. Я вообще никогда не нравилась себе даже на фотографиях. Но милую умницу Ашхен по-настоящему люблю. Как живого человека, как подругу, словно и не из моего существа она возникла в фильме.

Дорогим для меня мгновением стало признание Рубена Николаевича Симонова, который обнял меня в коридоре театра и необычайно тепло поблагодарил:

— Спасибо тебе, Циллоша, за Ашхен. Ты такая армянка!

А известная грузинская актриса Тамара Церетели долго называла меня: «моя Ашхеночка»...

Жалею лишь об одном: слишком поздно, уже после выхода на экран фильма «Дорогой мой человек», я познакомилась близко с недавно ушедшим от нас большим художником Мартиросом Сергеевичем Сарьяном и его чудесной женой, Люсик Лазаревной. Случись это раньше, я неизменно обогатила бы образ Ашхен.

Мартирос Сергеевич был не только выдающийся живописец, но и на редкость интересный собеседник. Когда он говорил, оторваться от него было просто невозможно. Он тронул меня тем, что захотел написать мой портрет. Позировать я никогда не умела — слишком нервна и подвижна для этого занятия. Но Сарьян писал меня и разговаривал со мной. И я сидела как завороченная. А Люсик Лазаревна, человек необычайно колоритный, яркий, веселый, то и дело заходила в комнату, взглядывала на работу мужа и шутливо восклицала:

— Ой! Ой! Мартирос, дорогой, что ты делаешь с Мансуровой!

Столько экспансивности, солнечности было в ее темпераменте, что я даже загрустила, вспомнив свою Ашхен: что бы мне раньше познакомиться с Сарьянами!

В дружбе всегда делаешь радостные открытия. В дружбе с человеком другой национальности — вдвойне. Не случайно кто-то из больших русских художников, кажется, Виктор Васнецов, говорил, что в ярком национальном своеобразии искусства и заключается его интернациональное значение, потому что народы обогащают друг друга, открывают новое, возникшее от своей культуры, своих тради-

ций. Я не берусь утверждать, что цитирую эту мысль дословно, но за качество ее ручаюсь.

Потому-то, работая с нашими учениками, студентами Театрального училища имени Б. В. Щукина, мы всегда испытываем не только чувство воспитателя, ответственного за рост воспитанника, но и сами сплошь и рядом оказываемся в радостном положении людей, открывающих для себя нечто новое.

Так мы работали в конце пятидесятых годов со студентами молдаванами. Они очаровывали нас своими песнями, доброй личностью речи, склонностью к драматургии высокоумной, защищающей честь и достоинство человека. На последних курсах они вызвали серьезное уважение самостоятельностью творческого мышления, профессиональной инициативой, духом студийности — умением и желанием творить в коллективе. Это был очень интересный выпуск: уже в стенах училища наши молдаване сдружились не только творчески, но и лично, стали настоящими единомышленниками. Это помогло им не развееваться по разным театральным труппам республики, а создать оригинальный, любимый и признанный не только в Молдавии театр «Лучафэрул». Сейчас при театре «Лучафэрул» открылась школа-студия, общее наше детище, в котором принимает отеческое участие ректор Театрального училища имени Б. В. Щукина, народный артист СССР, профессор Борис Евгеньевич Захава.

Большой советский мир в этом году празднует свое 50-летие. Для меня это и личный праздник, наполненный светлыми эпизодами прошлого и настоящего, диалогами дружбы с людьми разных возрастов, разных поколений советских людей. Диалогами, которыми насыщает моя память этот солнечный апрельский день. Они звучат на разных языках, но с одинаковой сердечностью.